

В. В. Сиповского о романе XVIII в. пытались разбить общее представление о благополучии якобы преобладавшего в XVIII столетии дворянского незыблемого в своей власти классицизма и дворянского искусства вообще. Привычные представления о составе русской литературы этого времени, о списке имен и произведений, подлежащих изучению, держались в науке очень крепко. Изучались по преимуществу немногочисленные корифеи дворянской культуры, причем борьба литературных групп, направлений, стилей почти полностью игнорировалась. Советская наука не могла удовлетвориться таким положением. Начались поиски антидворянских, демократических, идеологических и, в частности, художественных фактов. Поиски эти на первых порах велись неорганизованно, иной раз и необдуманно, притом и без должной дифференциации явлений разного социального и стилистического порядка. Так, слишком много внимания уделялось проявлениям эпигонской, безидейной литературы мещанского склада, рассчитанной на всевозможные охвостья господствовавших классов, лишенной художественной и идеологической значимости, лишенной подлинной культуры, характерной, напр., для фольклора; так оказались без толку выдвинутыми компиляции и переводы Матвея Комарова. С другой стороны, стремление во что бы то ни стало «найти» буржуазную, реалистическую, антифеодальную литературу могло приводить к поспешному зачислению в соответствующие рубрики писателей, мало повинных и в буржуазности и даже в реализме и т. д., связанных еще по преимуществу с дворянским классицизмом (напр. В. Майков). Между тем положение в XVIII столетии было действительно таково, что дворянский классицизм даже в пору его расцвета, в 1750—1770-х гг., удерживал свою внешнюю гегемонию лишь в отчаянной борьбе — и не только с казенно-правительственной идеологией (дворянский классицизм в это время был связан с либерализмом в среде дворянской интеллигенции); ему приходилось выдерживать натиск внедворянских идеологических и, в частности, литературных течений, шедших из «низов». Эти литературно-идеологические течения мы можем и должны проследить в их развитии на протяжении всей второй половины XVIII столетия. При этом дело идет не о «мещанской», «мелкотравчатой», «низовой» культуре и литературе, а о явлениях большой культурной высоты, явлениях большого идейного и художественного напряжения, передовых и во многих отношениях ведущих в свое время.

Уже с середины XVIII в., с Ломоносова, идет накопление демократических сил в идеологической сфере, которое в конце столетия, после восстания Пугачева, в пору буржуазных революций в Америке и во Франции, дает фигуру потрясающей яркости и силы — Александра Радищева. Именно сюда, на поиски подлинно демократических фактов литературной борьбы, и должно быть направлено внимание советских исследователей. Пора уже доказать, что Радищев вовсе не был одиночкой, случайным, незакономерным явлением, якобы не характерным для русской действительности